

центром, в котором давно уже должен быть основан именно университет, прежде всего, чем какое-либо другое высшее учебное заведение». (Волков М.Ф. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума. 1906–1909 гг. Рукопись / Саратовский музей краеведения. НВ27745. С. 37).

⁴ К сожалению, в трудах по истории СГУ, с «легкой

руки» Суворина, Саратовский университет стали называть 10-м российским университетом, не учитывая при этом наличия Императорского Александровского Гельсинкфорского университета (см.: напр., Соломонов В.А. Указ. соч. С. 12 и др. В 1990 г. вышла брошюра Н.А. Попковой под названием «Десятый русский университет. К 80-летию Саратовского университета»).

УДК 378.4 (470.44–25) /1914–1917/

САРАТОВСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917 годы)

А.И. Мраморнов

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
кафедра отечественной истории XIX–XX вв.
E-mail: mramor-new@mail.ru

В статье рассматривается жизнь Саратовского университета в период Первой мировой войны (до 1917 г.). Анализируются изменения в деятельности профессорской и студенческой корпораций в связи с задачами, стоявшими перед страной в условиях военного времени. Особый акцент сделан на показателях роста и развития высшего учебного заведения.

Ключевые слова: Саратов, университет, Первая мировая война, студенты, история, Россия, Германия, наука, Красный Крест, Киев, Февральская революция.

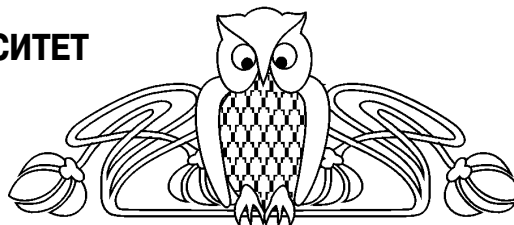
The Saratov University During the First World War (1914–1917)

A.I. Mramornov

In the article the life of the Saratov University during the First World War (before 1917) is examined. The changes in the activity of professorial and students' corporations connected with the war's tasks are analyzed. The special emphasis is made on indices of growth and development of this higher school.

Key words: Saratov, university, World War I, the students, history, Russia, Germany, science, Red Cross, Kiev, February revolution.

Николаевский Императорский университет в Саратове был основан в 1909 г. и стал практически последним университетом, открытым в старой, дореволюционной России¹. Жители «столицы Поволжья», как в начале XX в. называли Саратов, в течение нескольких десятилетий дожидались открытия в их городе «храма наук». На деле получилось так, что в Саратове хотя и открыли «храм», но «храм» только одной науки – медицины. То, что в течение целого ряда лет других факультетов в Саратовском университете не появлялось, нередко вызывало недоумения у современников. «У Саратова... много самомнения и гонора, – писал один местный публицист. – В Саратове единственный в мире университет с единственным факультетом»². Медицинский

факультет в университете действительно был единственным, новое учебное заведение довольно быстро прошло этап своего становления и уверенно развивалось даже несмотря на то, что его первый выпуск практически совпал с началом Первой мировой войны.

История дореволюционного Саратовского университета достаточно обстоятельно изучена В.А. Соломоновым, который на протяжении многих лет собирал собственную коллекцию уникальных архивных материалов по истории университета и защитил на эту тему диссертацию. На ее основе в 1999 г. была выпущена монография³. История университета в период Первой мировой войны рассмотрена автором предельно кратко, на 7 книжных страницах, с обилием цитат. Для понимания процессов, происходивших в молодом университете в военные годы, необходимо более обобщенное изложение и анализ основных фактов его истории.

К концу 1913 г. в университетском бюджете оставались неизрасходованными 3000 рублей на научное оборудование. Ректор В.И. Разумовский, пригласив к себе профессора В.Д. Зёрнова, спросил у него, есть ли возможность экстренно и с пользой израсходовать эту сумму, чтобы не возвращать в казну. Зёрнов заказал на эту сумму два эпидиаскопа фирмы Цейса из Германии. Оборудование успели доставить в Саратов в начале июля 1914 г.⁴, а уже через несколько недель Россия и Германия находились в состоянии войны. В связи с этим интересно затронуть вопрос о потенциале связей российской и немецкой науки в военные годы.

Современное оборудование и препараты традиционно «выписывались» в Россию из Европы, и подобные заказы еще не свидетельствуют о наличии научных контактов. Да и едва ли могли установиться какие-то прочные связи с зарубежными университетами и научными центрами у саратовской высшей школы за пять предвоенных лет – период ее начального развития и становления. В то же время основания для сближения Саратов-

ского университета с европейскими, в частности, с немецкими коллегами были. Прежде всего, нельзя не вспомнить, что Саратовско-Самарское Заволжье было районом расселения российских немцев. Основанный в 1909 г. Саратовский университет был ближе всего к этому региону. Однако немцев в Саратовском университете было совсем немного. Так, в числе 87 студентов первого набора в 1909 г. было 9 человек⁵ лютеранского вероисповедания. Официальная статистика численности учащихся, публиковавшаяся в «Известиях» университета, выделяла категорию студентов «инославных христианских вероисповеданий», так что по ней сложно судить о численности немцев в университете. В описи довольно хорошо сохранившихся и хранящихся в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО) личных дел студентов 1909–1917 гг. немецких имен не так много. Хотя имя – не вполне надежный критерий определения национальной принадлежности, но всё же таковых имен в описи личных дел автором этих строк выявлено 25 за весь дореволюционный период (гораздо больше в университете, особенно в военные годы, было евреев, причем их процентная доля постоянно росла).

Из числа учащихся Саратовского университета немцем можно определенно назвать, пожалуй, лишь магистра химии Рейнхарда Фридриха Холлманна. И всё же в перспективе в университете существовала основа для проникновения в него немецких традиций образования и науки. Такую возможность, однако, перечеркнула начавшаяся война. С обложки университетских «Известий», начиная с 4-го выпуска за 1914 г., исчезло заглавие на немецком языке («Annalen der kaiserlichen Nicolaus-Universität»). Однако последовательных антигерманских настроений в Саратовском университете, видимо, не было. На одном из заседаний совета в сентябре 1914 г. профессор В.А. Павлов рассказал коллегам об уничтожении в результате военных действий Лувенского университета в Бельгии и предложил «присоединиться к той трубе, которая скоро вострубит и позовет на общественный суд Германию для ответа перед общечеловеческою совестью». Было решено образовать особую университетскую комиссию «для выработки формы протеста» (против действий Германии)⁶. В то же время знаменитое воззвание германских ученых «К миру культуры» даже не обсуждалось на совете (в отличие от Петроградского и ряда других российских университетов, где реакция на воззвание была достаточно бурной).

О подлинном восприятии саратовской профессурой начавшейся войны судить сложно, но внешне, как и везде в России, во второй половине 1914 г. в университете ощущался патриотический подъем. Совет университета принимает решение о посылке императору верноподданнической телеграммы, постановляет отчислять 3% ежемесячно от получаемого профессорами жалования в пользу раненых и больных⁷.

С началом войны были мобилизованы более 20 человек врачебного персонала университетских кафедр, причем при некоторых из них не осталось ни одного ассистента, лаборанта или ординатора⁸. Профессор кафедры зоологии Б.И. Бируков оказался после начала войны в плену в Германии, где он на протяжении целого ряда предшествовавших лет занимался зоологическими исследованиями. Подробнейшее описание своих злоключений в числе других пленных россиян профессор описал в записках, опубликованных в качестве приложения к университетским известиям⁹. Этот источник прекрасно отражает вызванное начавшейся войной изменение отношения немцев к русским, а русских к немцам и предельно четко изображает тяжелую повседневность первых недель войны. Лишь в конце сентября 1914 г. профессор Бируков сумел вернуться домой и приступить к исполнению своих университетских обязанностей. Некоторые медики университета добровольно отправились на театр военных действий: профессор Д.Д. Крылов в январе 1915 г. – в качестве старшего врача поезда Красного Креста им. принца Ольденбургского, прозектор Н.Т. Герашенко – в качестве рентгенолога в Кавказскую армию, там же пребывал с 14 марта по 1 сентября 1915 г. с целью организации бактериологической лаборатории профессор А.А. Богомолец. Приват-доцент И.В. Мурашов состоял с 29 апреля по 31 августа 1915 г. на службе в Красном Кресте при армии Северо-Западного фронта¹⁰.

Таким образом, учебно-вспомогательный персонал университета испытывал с самого начала войны острый недостаток наличных кадров¹¹. Поэтому в период войны неоднократно принимались решения о приглашении на вакантные должности студентов и женщин¹². Уже в августе 1914 г. декан медицинского факультета Н.Г. Стадницкий предложил «профессорам временно приглашать в помощь себе за особое вознаграждение имеющихся у них в виду подходящих лиц, а при отсутствии таковых – г.г. студентов»¹³. С этого времени на совете университета регулярно разбирались вопросы подобного рода. Так, в начале января 1916 г. Министерство народного просвещения допустило ко временному исполнению обязанностей: ординатора клиники медицинского факультета – женщину-врача З.А. Плужник, сверхштатного лаборанта при кафедре акушерства и женских болезней – лекаря М.И. Быковцеву, временного препаратора при гистологическом кабинете – студента 1-го курса М. Чечина, а сотрудника клиники носовых, горловых и ушных болезней – студента А.В. Другова. Чечин получал жалование из специальных средств университета, остальные – из остатков от содержания личного состава¹⁴. Обычно решение о приглашении на должность сотрудника университета женщины или студента появлялось на одной из кафедр университета и обсуждалось советом, который, в

свою очередь, уже ходатайствовал об этом перед Министерством народного просвещения.

Не только сотрудники, но и некоторые студенты становились под ружье, а многие из них отправлялись в действующую армию в качестве медицинского персонала. Ускоренной подготовки университетами медиков требовало Министерство народного просвещения¹⁵. Уже к осени 1914 г. по крайней мере 15 студентов 2–5-х курсов университета поступили на службу в Красный Крест. Студент 3-го курса Алексей Культюгин попал в германский плен¹⁶. Зимой 1914/1915 г. сотрудниками Красного Креста в действующую армию отправились еще 22 человека из числа студентов в основном 3–4-х курсов¹⁷. Министерство еще в начале 1915 г. циркулярно просило университеты сообщать о подвигах учащихся и учащихся, призванных в том или ином качестве в армию. Совет Саратовского университета поручил по предложению ректора редактору университетских «Известий» И.А. Чуевскому публиковать краткие биографии питомцев и служащих, погибших на поле брани (поручение, правда, так и не было выполнено)¹⁸.

Итак, в течение войны определенное количество студентов-медиков вступали добровольцами в Красный Крест. В то же время в военный период Министерством народного просвещения был введен новый порядок предоставления документов поступающим в университет. В частности, циркуляром от 13.04.1915 министерство извещало советы университетов, что их начальство при поступлении в число студентов лиц из мест, занятых неприятелем, не должно требовать от них свидетельств о приписке к призывным участкам, довольствуясь метрикой, паспортом или формулярными списками отцов¹⁹. Также всем нуждающимся в образовании детям беженцев государство стремилось предоставить «возможность продолжать обучение в соответственных учебных заведениях»²⁰. Этими временными правилами вскоре воспользовались те молодые люди, которые, будучи военнообязанными, хотели отсидеться в период войны в стенах университета.

Университетский секретарь по студенческим делам В.П. Федоровский в конце 1916 г. докладывал начальству, что особый (облегченный) порядок приема в число учащихся не только шел вразрез с привычными правилами приема, но и создавал «весьма обременительный и тяжелый труд для студенческой канцелярии»²¹. Секретарь перечислял несколько случаев, когда налицо были нарушения призывного законодательства. Интересно, что уклонисты, как правило, принадлежали к иудейскому вероисповеданию. Так, студент Эйзер-Яков Эскин к моменту поступления в 1915 г. в Саратовский университет уже был выпускником юридического факультета Харьковского университета. В Саратове представил недействительную копию свидетельства из присутствия по воинской повинности. Универ-

ситет сообщил об этом саратовскому воинскому начальнику, который велел Эскину немедленно явиться к нему. Эскин не явился, а подал в правление университета прошение об обратном приеме и был 15 декабря 1916 г. вновь зачислен в число студентов, несмотря на то, что оснований на это, как отмечал В.П. Федоровский, не было. Студентам Ф. Фальковичу и А. Манькину воинская повинность была официально отменена, но они продолжали оставаться в числе студентов. Еще у одного студента-еврея (Флит Мarmor) была подчищена в документах дата призыва. Федоровский считал своим долгом не замалчивать эти случаи, а ставить о них в известность начальство университета. «Молчать в настоящее время о военнообязанных более чем неудобно и, кроме этого, в случае, если Фальковичи обнаружатся военной властью, то вся вина падает только на одного меня, как лица, заведующего документами студентов»²².

Всё же большинство тех студентов, которые не отъезжали на театр военных действий (либо солдатами, либо лекарями), а оставались в университете, имея легальную отсрочку, равнодушно относились к войне²³. В.А. Соломонов приводит данные о сходке, состоявшейся в стенах университета 22 февраля 1915 г. На повестку дня был вынесен вопрос об устройстве денежного сбора и благотворительного вечера в пользу жертв войны. Неожиданно студент 2-го курса Зенькович сделал предложение политического характера (обсудить вопрос о суде над депутатами социал-демократической фракции в Государственной думе), которое было отклонено председателем студенческой сходки. Тогда студент Зенькович демонстративно покинул сходку²⁴.

Интересен еще один эпизод военного времени. 10 октября 1915 г. в 6 вечера студент Григорий Сергиевский в пьяном состоянии вошел в Александро-Невский кафедральный собор, где совершалось всенощное бдение, «вынул из кармана коробку с папиросами и, невзирая на протесты, демонстративно раскурил в присутствии всех молящихся. На требование церковного старосты и сторожа прекратить безобразие или оставить собор, Сергиевский продолжал курить». Удалил его из собора лишь вызванный полицейский. Правление университета через пять дней после инцидента постановило уволить Сергиевского из числа студентов²⁵. Несмотря на то, что ряд студентов в различной форме выражали свой протест против войны, против существующего порядка вещей, университет в целом продолжал скорее планомерно трудиться на нужды войны, чем готовиться к «предстоящей» революции.

В период войны в Саратовском университете постоянно росло количество студентов и вольнослушателей. Объективно это объяснялось потребностью армии во врачебном персонале. Задачей государственного значения для медицинских факультетов университетов становилось ускорение процесса подготовки профессиональных врачей.

Здесь интересно сравнить динамику общей численности студентов Саратовского и Московского университетов в военный период (таблица).

Общая численность студентов, человек

Год	Московский университет	Саратовский университет
1914	9129	457
1915	11184	768
1916	6860	1041

Примечание. Сост. по: *Andreev A.Ju.* Die gespaltene Universität. Die Moskauer Gelehrten 1911–1917 // Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer: europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hg. Trude Maurer. Stuttgart, 2006. S. 169; *Соломонов В.А.* Императорский Николаевский Саратовский университет: история открытия и становления (1909–1917) / Под общей ред. И.В. Пороха. Саратов, 1999. С. 219.

Хотя нужно оговориться, что в старейшем университете страны на тот период был полный «набор» факультетов, а в самом молодом – только медицинский, всё же, при всех оговорках, сравнение динамики говорит о различии в жизни двух учебных заведений. В Московском университете в 1915 г. по сравнению с 1914 г. отмечается рост общей численности учащихся на 22%, но уже в следующем году – катастрофическое падение почти на 40%. В то же время в Саратовском университете в 1915 г. численность учащихся выросла на 68%, а в следующем году – еще на 35%, а всего за 2 года – более чем в два раза, в отличие от Московского, где она за 2 военных года сократилась на 25%. Кроме роста численности учащихся, в университете росло и количество учащихся: с 96 человек в 1914 г. до 120 – в 1916 г. (на 25 %)²⁶, продолжала пополняться библиотека университета (за 1914–1916 гг. фонд по числу книг увеличился на 12% и составил 68 тыс. томов)²⁷.

В военный период продолжалось возведение университетских зданий, несмотря на недостаток рабочих рук и строительных материалов. В мае 1916 г. университетский комплекс посетил товарищ министра народного просвещения В.Т. Шевяков и «заявил о прекрасном впечатлении, вынесенном им после осмотра новых зданий», обещая от имени министра «отпустить, по окончании войны, необходимый кредит на дальнейшее строительство»²⁸. Из уже построенных и эксплуатирувавшихся зданий к февралю 1915 г. почти половина была временно отведена под лазареты для больных и раненых воинов. Возможность предоставить еще больше помещений на военные нужды, по мнению ректора, выраженному в ответе на циркуляр управляющего Казанским учебных округом, отсутствовала: в них ютились учебно-вспомогательные учреждения университета²⁹. Университет не только помогал русской армии своей материальной базой: саратовские ученые

оперировали в университетских клиниках раненых воинов, причем не только русских солдат, но и пленных немцев, австрийцев, чехов³⁰. Профессора разрабатывали научные проблемы, практически связанные с нуждами фронта. Так, например, в 1916 г. Р.Ф. Холлман был командирован на Всероссийское совещание по борьбе с удушливыми газами (с 4 по 11 февраля), а В.А. Скворцов выезжал в Астраханскую губернию для обследования горько-соленых озер, причем оговаривалось, что эта командировка имела «отношение к военным обстоятельствам»³¹. В стенах же университета читались в военный период курсы военно-полевой хирургии профессора В.И. Разумовского³², военно-полевой гигиены профессора В.А. Арнольдова³³, а после командировки Р.Ф. Холлмана – коллективный курс по удушливым газам³⁴.

В 1915 г. в Саратов был эвакуирован Киевский университет св. Владимира и находился в Саратове до следующего 1916 г. Профессор В.Д. Зёрнов отмечал, что киевляне и саратовцы жили «дружно»³⁵. Научная работа в обеих высших школах – как в эвакуированной, так и принимавшей ее – практически не останавливалась. Вполне понятной мерой в условиях повседневных контактов с прибывшими из Киева коллегами выглядит активизация вопроса об учреждении новых факультетов в Саратовском университете. В начале 1916 г. профессор В.А. Павлов рассказал на совете университета о своем разговоре с товарищем министра народного просвещения В.Т. Шевяковым, который отметил, что со стороны министерства препятствий для открытия физико-математического факультета в Саратове не встретится и что совет университета должен «представить свои соображения». Более того, министерство не возражало бы и против открытия историко-филологического факультета. После доклада Павлова совет решил возобновить деятельность уже прежде созданной комиссии по открытию физико-математического факультета. С правом совещательного голоса в нее вошли профессор Киевского университета во главе с деканом физико-математического факультета. Аналогичная комиссия была призвана заниматься открытием историко-филологического факультета (в ней также в качестве консультантов участвовали киевляне)³⁶. Новые факультеты были открыты в Саратове уже после Февральской революции, с 1 июля 1917 г., хотя значительная, даже решающая работа по подготовке этого события была проведена еще до революции.

Примечателен и важен для характеристики жизни университета в военное время еще один факт. Совет университета, несмотря на трудности, обсуждал вопрос об установлении контактов с зарубежными учеными, в частности с англичанами и французами, для чего предполагалось усилить преподавание иностранных языков (главным образом, плохо преподававшегося в российской структуре образования английского). Естественно,

что о связях с учеными стран-противников речь не шла, а контакты с учеными из стран-союзниц были ограниченными.

Таким образом, несмотря на военное время и все непосильные трудности, связанные с начавшейся в Европе беспрецедентной кровавой бойней, в которой Россия несла наиболее многочисленные из всех участвовавших стран потери, учрежденный всего за 5 лет до войны Саратовский университет сумел полноценно развиваться в эти сложные годы. Росла его материальная база, численность учащихся и учащихся, шла подготовительная работа для создания новых факультетов, которые превратили бы его в полноценную высшую школу. Февральская революция 1917 г. катализировала эти процессы, результатом чего стало появление новых факультетов. Даже несмотря на начавшуюся потом в стране разруху и Гражданскую войну, становление университетского образования в Саратове продолжалось.

Примечания

- 1 Если не считать университетов, открытых уже в период Первой мировой войны и выросших из эвакуированных университетов: Пермского – на базе Петроградского и Ростовского – на базе Варшавского.
- 2 *Слово-Глаголь*. Наброски и недомолвки. Отцы и дети // Саратовский листок. 1912. № 208.
- 3 См.: *Соломонов В.А.* Императорский Николаевский Саратовский Университет: история открытия и становления (1909–1917) / Под общей ред. И.В. Пороха. Саратов, 1999.
- 4 См.: *Зёрнов В.Д.* Записки русского интеллигента / Публ., вступ. статья, коммент. и указ. имён В.А. Соломонова; Под ред. А.Е. Иванова. М., 2005. С. 201.
- 5 *Соломонов В.А.* Указ. соч. С. 217.
- 6 См.: Протокол заседания Совета университета от 29.09.1914 // Известия Императорского Николаевского университета (далее – ИИНУ). 1915. Вып. 3. С. 180–182.
- 7 См.: Протокол заседания Совета университета от 4.08.1914 // Там же. С. 131–132.
- 8 Там же. С. 130.
- 9 См.: *Бируков Б.И.* Отчет о заграничной поездке летом 1914 г. (В германском плену) // ИИНУ. 1915. Вып. 2, 4. Прилож.
- 10 ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 590. Л. 5, 15, 20, 25, 33.
- 11 Это уже отмечал В.А. Соломонов (См. *Соломонов В.А.* Указ. соч. С. 179).
- 12 Первая мировая война открыла девушкам и женщинам также возможность обучения в университетах.
- 13 Протокол заседания Совета университета от 4.08.1914 // ИИНУ. 1915. Вып. 3. С. 131.
- 14 См.: Протокол заседания Совета университета от 25.01.1916 // Известия Саратовского университета (далее – ИСУ). 1917. Вып. 1 и 2. С. 2.
- 15 ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 550. Л. 101.
- 16 Там же. Д. 566. Л. 335.
- 17 Там же. Л. 349–349 об.
- 18 Там же. Д. 551. Л. 7.
- 19 Там же. Д. 550. Л. 25.
- 20 Там же. Л. 158.
- 21 Там же. Д. 690. Л. 16 об.
- 22 Там же. Л. 18–19.
- 23 Большинство студентов в 1915 г. еще оставались в отношении войны патриотически настроенными. В мае 1915 г. 87 студентам VIII семестра надлежало явиться в саратовский лазарет как призываемым на военно-санитарную службу в качестве зауряд-врачей 2-го разряда. На освидетельствование не явился лишь один из 87 – П. Барабанов (ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 573. Л. 94).
- 24 См.: *Соломонов В.А.* Указ. соч. С. 183.
- 25 ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 566. Л. 221 об. – 224.
- 26 Штаты университета расширены, а их материальное обеспечение улучшено согласно закону от 3 июля 1914 г., вошедшему в действие с 1 января 1915 г. (см. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Николаевского университета за 1916 год // ИСУ. 1917. Вып. 1 и 2. С. 1). В 1916 г. готовилось новое расширение штатов (Протокол заседания Совета университета от 25.01.1916 // ИСУ. 1917. Вып. 1 и 2. С. 4).
- 27 См. *Соломонов В.А.* Указ. соч. С. 221–222.
- 28 Краткий отчет о состоянии строительных работ по сооружению зданий Императорского Николаевского университета за 1916 год // ИСУ. 1917. Вып. 1 и 2. С. 61.
- 29 ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 550. Л. 13.
- 30 См.: *Соломонов В.А.* Указ. соч. С. 181.
- 31 Отчет о состоянии и деятельности Императорского Николаевского университета за 1916 год // ИСУ. 1917. Вып. 1 и 2. С. 5.
- 32 ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 706. Л. 111 об.
- 33 См.: Протокол заседания Совета университета от 15.02.1916 // ИСУ. 1917. Вып. 1 и 2. С. 20.
- 34 Протокол заседания Совета университета от 22.02.1916 // Там же. С. 38.
- 35 См.: *Зёрнов В.Д.* Указ. соч. С. 207.
- 36 См.: Протокол заседания Совета университета от 25.01.1916 // ИСУ. 1917. Вып. 1 и 2. С. 6–7.